

ВОРОНЪ

№ 1.

ЦѢНА 10 КОП.

СКАЗКА.

За тридцать земель, в тридесятном царствѣ, не в нашем государствѣ, жил-бы царь.

Царь был добрый, но, как всегда полагається, совѣтники всѣ у него были недобрые, своекорыстные, властолюбивые.

Они постоянно враждовали с царем, добивались, все большей власти, угодничали перед царем, восхваляли его мудрость, справедливость всѣх его распоряженій, превозносили его славу.

А сами потихоньку отбывали свои мелкія и крупныя дѣлишки и забирали всю власть над страной.

Народ изнывал под властью вельмож-бояр, но подѣлать с ними ничего не мог.

И рѣшил народ свернуть их. Он догадывался, что царь не знает ничего совѣтъ об их злосчастном жить-бытьѣ; он был увѣрен, что если бы царь узнал про их нужды, он немедленно бы удовлетворил их.

И послал народ прошения царю, да злые воеги народныя, вельможи-бояре, пережатыми эти прошения.

И послал народ своих выборных к царю, чтобы лично доложить ему о своих худобинах. А злые воеги народные, вельможи-бояре, поняли, что если до царя дойдет правда, то не одобравтъ им.

А понявъ это, они рѣшили дѣйствовать.

Донесли они царю, что народ идет к нему с злым намѣреньем, что лишить-де тебя, царя-батюшку, твоей власти государственной, подѣлать меж собой землю поровну. Ты не вѣрь-де им, твоим воегам, а повѣрь ты нам, вѣрным подданным.

Испугался царь, не велѣ никого допускать к нему, а вельможи пусть сами переговорят с народом.

Вельможи поусердствовали и приняли посланных от народа с честію, с салютом из ружей.

От личного доклада царю жизнь нѣскольких тысяч подданных его сразу измѣнилась к лучшему: перестали они голодать и холодать, бросили свои жалкія лачуги и поселились там, идѣ же нѣсть болѣзней, печалей, ни воздыханій.

Но жизнь других ничуть не улучшилась, только понял теперь народ, что ничего не добьется он просбами.

И поднялся он, как один человек, не в пустыми руками теперь, а с аркеолом и оружіем. Хотѣ и темен был народ в том царствѣ, да спасибо добрым людям: научили они его уму-разуму, разъяснили ему, что вельможи обязаны дать ему возможность жить лучше, не умирать с голоду, да с холоду, без болыняц, без докторов, быть темным, безправным быдлом.

Разъяснили ему, что тогда только народ будет жить хорошо, когда не вельможи одни, его злые воеги, будут управлять им, обирать его, а сам народ со своими царем-батюшкой будет издавать законы для себя, облагать царем.

И поднялся народ.

Испугались вельможи, бояре знатные. Не хочется им лишиться своей могучей власти, не хочется разставаться с насимижными мѣстами да богатыми окладами.

И вынули они царю-батюшку, что это все бунтует небольшая кучка, а не весь народ; что народ идет только по понятию этих бунтарей; что бунтарей этих нѣтъ и не удовлетворить. Вот только бы расправиться с этими бунтарями, тогда и весь народ успокоится: правда, народу мало земли, вот он и недоволен, но это ничто.

— Не вели казнить, вели слово вымолвить, — говорит один из бояр его. — Одѣла земель ты народ честной; у тебя вѣдь есть много лѣсу, болот; а за землю возьми ты выкуп небольшой, да расчисти ты его на сто двадцать лѣтъ. И народ тогда будет предан тебѣ, не послушает он твоих воегов, перебьет он сам бунтарей лихих, и настанет у нас снова тишь да гладь!

Послушал царь умного, но хитрого совѣта: рѣшил позволить народ из своих государственных многочисленных

имѣній; правда, не задаром, а за крупную сумму, большую стоимость земли, но только с расчисткой на сто двадцать лѣтъ.

Но удивительно упрям и глуп оказался народ в том царствѣ: он ничуть не успокоился, не перебил бунтарей, а продолжал все требовать сверженія вельмож-бояр и просил власти вмѣстѣ с царем.

Вот как было за тридцать земель, в тридесятном царствѣ, не в нашем государствѣ.

Бойба.

Скорѣй.

Терпѣнья не стало! И русский народъ.

Не хочеть нести безусловно

Цѣпей ненавистнаго рабства, невзгодъ,—

И вотъ онъ встаетъ поголовно.

...

Встаетъ для защиты дѣтей своихъ, женъ,

Въ защиту свободы желанной,—

И пусть казаками вездѣ окруженъ,

Онъ битися готовъ неустанно...

...

..Теперь, что ни день, намъ газеты несуть

Ужасныя грустныя вѣсти:

Драгуны, казаки пощады не даютъ,

Исполнены яростію мести.

...

По селамъ нищаютъ... всѣхъ давить нужда...

Фабричный безъ средствъ остается,

Въ такое горячее время, когда

За жизнь и свободу онъ бьется.

...

Товарищи!.. Помощь, поддержка нужна,

Тамъ голодъ, тамъ терпятъ невзгодъ,—

Не будемъ же скупы... скорѣе должны

Помочь мы родному народу!..

— Слушай, раз ты обещал сдѣлать для меня что-нибудь, то неправда-ли, ты обязан исполнить свое обещаніе?

— Ну, теперь, друг мой, не такъ: обещать-то я тебѣ и пообещано, если ты пристанешь, как с ножом к горлу, а немного ты успокоишься от этого обещанія, обещаніе-то можно и назад взять.

НАШЕМУ ЖУРНАЛИСТУ.

Ганюн в Россію возвратился!
Хватайте, милые, его!
Хотя он сильно изменился,
Звать не стоит ничего:

Из смухек шапка небольшая,
Доха прекрасная на нем,
Бородка малая-такая,
Сверкает острый взгляд огнем*.

С таким призывом обратился
Суворин къ сотнѣ, и за-то
Тотчас же он преобразился
В песочно-желтое пальто.

Лохматый.

— Что вы думаете о временных правилах от 24 ноября?

— Думаю, что они опять рѣшили наложить на печать печать молчанія.

Мы.

Изъ хрестоматіи.

Русскія долины
Всѣ горять въ огнѣ;
Бѣдныя деревни
Дремлѣть въ тяжкомъ снѣгѣ...
Мрачно въ нихъ убого...
Мертвенно... Крестьянъ...
Подожди немного:
Встанешь, Русь, и ты.

Мы.

— Ну, мужичек, тебѣ теперь печалиться нечего: манифестомъ выкупные платежи отменены.

— Слава тебѣ, Господи! Землицы бы еще вот!

— И земля будет. Купитъ вамъ банкъ землю, а деньги за нее вы будете вносить в течение пятидесяти-шести-десяти лѣтъ в банкъ.

— Что-то не пойму я тебя: то говоришь—выкупные платежи отменены то за землю опять придется платить выкупные. Чепуха какая-то!

Я.

МАЛЕНЬКІЯ ПИСЬМА.

Не понимаю, чего только волнуются эти наши, простите за выражение, ревалюционеры? кричатъ, перевернуть вверх дном все государство хотятъ. Лѣзут на штыки, подставляют свои упрямые бабки под пушки, пулеметы, ружья. Вот, по истинѣ, упрямство, достойное лучшей доли.

Да из-за чего главным образомъ они, эти революционеры, волнуются, из-за чего лѣзут на стѣну? Ну, предположим, тебѣ скверно жить: и работаешь ты двадцать пять часов в сутки, и за это нѣсколько продолжительный труд получаешь гроши, и правовое твое положеніе отчасти неудовлетворительно. Хорошо, начальство это видит и с удовольствіем придет тебѣ на помощь: и полчасика или даже цѣлый час сбросит в работѣ, и процента два накинет на заработную плату, и побѣждаетъ улучшить твое правовое положеніе.

Только зачѣм же волноваться? Революционеры говорят, что только волненіями, забастовками они «вырвали» нѣкоторыя улучшенія, нѣкоторыя общія. Смотрите пожалуйста, какіе силачи выискались!

Врете вы, господа революционеры, не вырвали вы у начальства ничего, а все «даровано» было им. А потом, какіе эти революционеры нетерпѣливы! Не могли потерпѣть еще немного, и все было бы даровано им безъ всякихъ забастовок, волненій. Обо всѣх их нуждахъ само начальство давно уже позаботилось: всюду были организованы всевозможныя коммиссіи для выработки новыхъ правилъ.

Возьмите хоть тѣ же экономическія требованія Ростовскаго полка: всѣ они были предаными начальствомъ; оно такъ

чутко прислушивалось къ нуждамъ солдатъ и такъ зорко слѣдило за ихъ бытомъ, что само заранѣе выработало тѣ всѣ экономическія требованія, какія могли только предъявляться солдатами. И что же? всѣ ихъ требованія были удовлетворены; улучшенія были бы произведены и такъ, со временемъ только, а солдаты не подождали и возбунтовались. И этимъ оскорбили только командующаго полкомъ. Развѣ начальство не печется о своихъ подчиненныхъ? вѣдь всегда начальство оказываетъ милость.

И всюду такъ. О чемъ только заикнется народъ, все сейчасъ же даруется ему или общается. А потому что все это уже заранѣе было предусмотрено начальствомъ. Забастовали почтово-телеграфныя служашіе—оказываются, начальство уже рѣшило улучшить ихъ положеніе. Требуютъ государственной думы с правами законодательными и со всеобщимъ голосованіемъ—оказываются, об этомъ уже давно поднятъ вопросъ своимъ правительствомъ.

Зачѣмъ же тогда забастовки? Они! потрясаютъ государственныя органы. А безъ забастовокъ начальство и такъ даровало бы свои милости. Только слѣдовало бы подождать нѣсколько... ну, такъ, два-три поколѣнія. Не больше.

П. О. Д. Суворинъ.

Настоящаго самодержавія у насъ давно уже нѣтъ, потому что это императоръ Николай I истинными самодержцами Россіи называлъ разныхъ дѣлъ министровъ.

Я.

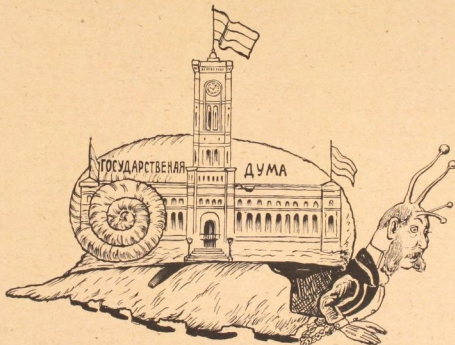
ТЕЛЕГРАФНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Берлин, 9 (22) декабря. Сегодня прибылъ вагонъ съ очень дѣльнымъ имуществомъ, спасеннымъ отъ грандіознаго пожара, охватившаго всю Россію. Вагонъ этотъ не первый и далеко не послѣдній. Шлите побольше — мы бережемъ.

ПО ТЕЛЕФОНУ.

Изъ вѣстныхъ источниковъ передаютъ, что генерал-майоръ Дедулинъ оказался, по освидѣтельствованіи, законнымъ сыномъ и правопреемникомъ Трепова по своей дѣятельности: онъ такъ же, какъ и недоброй памяти авторъ извѣстнаго изреченія: „Патроновъ не жалѣть“, принимаетъ самую строгія мѣры противъ публичныхъ собраний и митинговъ. (Собств. кор.)

Что ты спишь, мужичок?
Ужъ проснуться пора:
Вѣдь, всѣ братья твои
Поднялися давно.
Встань, очнись, распрямись,
Да вокругъ погляди:
На кого ты похожъ?
И что есть у тебя?
Нѣтъ земли ничего
На всю семью твою
И хозяйство твое
Пошатнулось давно.
Коровенку за долгъ
Къ себѣ баринъ увелъ,
И дѣтишкамъ своимъ
Молочка ужъ не дашь.
Лошадь самъ ты продалъ,
Уплатить чтобъ оброкъ;
Какъ же будешь теперь
Ты работать безъ ней?

ПОСЛОВИЦЫ.

1. Кто пороть гораздъ, тому не пропасть.
2. С нагайки лачинай, штыкомъ кончай.
3. Безъ нагайки ни до порога, а с нагайкой хоть крестьянъ успокаивать.
4. У двухъ правительствъ народъ безъ глаза.
5. Всѣ под нагайкой ходимъ.
6. Кто Бога не боится, тотъ и въ своихъ братьевъ стрѣляетъ.
7. Богъ на небѣ, флигель-адъютанты на землѣ.
8. Хозяинъ труды любитъ.
9. Свобода — мать пороковъ.
10. Свободное слово до тюрьмы доведетъ.

Осколокъ отъ болбы.

А священникъ твердитъ:
«Это Богъ наказалъ!»
Но послѣдній, вѣдь, грошъ
Съ себя самъ онъ забралъ.
Прижимаетъ тебя
Добрый земскій-отецъ,
И совсѣмъ ты въ рукахъ
Мужика-кулака.
Сыновей же твоихъ
Обучаютъ стрѣлять,
Чтобъ тебя же потомъ
Было кѣмъ усмирять.

Ну, вставай же, мужик!
Проспать пора,
Сдернуть плену съ глазъ
И ожить всѣмъ зараз!
Будетъ гнуться въ дугу!
Требуя воли себѣ
И земли и всѣхъ правъ!
Покажись-ка врагу!

Версификаторъ.

На лужайкѣ.

Село Голодное расположено двумя порядками, сходящимися под углом. В этом углу была большая, окруженная раками, лужайка. Здѣсь, на лужайкѣ, не было совѣм никаких домов; как будто лужайка была специально предназначена для игр.

И дѣйствительно, лѣтом, лишь только кончался тяжелый трудовой день, лужайка оглашалась смѣхом и весельем.

Едва успѣвъ перекатить дома кусок хлѣба или поѣвъ щей с кашей, парни и дѣвки собирались на лужайкѣ, пѣли пѣсни, водили хороводы.

Смѣхъ и пѣсни не прекращались тут далеко за полночь, чуть ли не до солнечнаго восхода, когда прогулявшіе всю ночь парни и дѣвки должны были снова приниматься за обычную работу, но отдохнувъ почти совсѣм.

Но от этого веселье на лужайкѣ ничуть не теряло своего характера.

Сколько пар слободилъ, сговорились на этой лужайкѣ и потом с любовью вспоминали про нее, шествуя дружно вдвоемъ по трудному жизненному пути.

И днем не бывала свободна лужайка.

Только публика на ней была другая: дѣти всѣхъ возрастовъ цѣлый день до вечера наполняли ее своими криками, играми и бѣготней.

И никто не запрещал им играть на лужайкѣ, никто не вмешивался в их игры.

Так тихо и мирно жила лужайка...

...У крестьянъ села, прилежавшаго къ лужайкѣ, вышло недоразумѣе с окрестным помѣщиком. Недоразумѣе из-за земли и недоразумѣе довольно крупное.

Помѣщикъ былъ тоже довольно крупный, вліятельный, и в результатѣ на лужайкѣ стояли два звзда казаковъ.

Прямо противъ казаковъ были выстроены крестьянскія избытошки сего села. Между казаками и крестьянами дрожавшая мѣстная власть и мѣстный диктатор-генералъ. За деревьями испуганная лица баб и дѣвушекъ.

— Семенъ Иванов! — выкрикивалъ по списку урядникъ.

Семенъ Ивановъ выходилъ, кланялся начальству, спускалъ невыразимыя и получалъ должное.

— Игнатъ Зайцевъ! — выкрикивалъ урядникъ.

Игнатъ Зайцевъ выходилъ, кланялся начальству, спускалъ невыразимыя и получалъ должное.

— Петръ Лаптевъ! — выкрикивалъ урядникъ.

Петръ Лаптевъ, пятидесяти лѣтъ старикъ, выходилъ, кланялся начальству, спускалъ невыразимыя и получалъ должное.

А бабы, дѣвки, ребята со страхомъ и ужасомъ смотрѣли, какъ поролъ ихъ отцовъ, дѣдовъ, сыновей, братьевъ. И горькая слеза струилась по ихъ лицамъ...

...Ухаживали казаки, ухаживалъ диктаторъ, ухаживало начальство...

...Черезъ недѣлю-двѣ жизнь опять вошла в свою обычную колею. Трудились цѣлыми днями, голодали, холодали. Ничего не измѣнилось в жизни крестьянъ.

Измѣнилась только лужайка: нѣтъ на ней смѣха, веселья, изрешелой молодежи по вечерамъ.

Дѣти боятся и заглядывать на нее, а молодежь, когда приходится проходить по лужайкѣ, плюетъ и крестится, ускоряя шагъ.

Только раки печально покачиваютъ своими вѣтвями.

Проклятая лужайка!

Да еще у мужиковъ лица сдѣлались задумчивыѣ, хмурѣе.

Третій.

— Неужели и теперь не будетъ дано земли крестьянамъ?

— А что?

— Да развѣ вы не слышите, какъ кричатъ о ней крестьяне Саратовской, Тамбовской и Черниговской губерній? Неужели и эти крики не будутъ услышаны?

Мм.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Среди всеобщаго смятенія,
Вражды, безправія и смутъ
Грустно таить души вознѣся,
Терпѣть несправедливый судъ.

Довольно крови и насилія!
Удѣлась в трауръ вся страна
И опустѣла робко крылья,
Недоумѣя полна...

Но близокъ часъ.. Пылая мнѣнемъ,
Какъ лавы, кинется она,
И все смететъ с ожесточенъемъ
Ея могучая волна...

Пусть будетъ такъ! Не будь печаленъ,
Повѣрь великимъ именамъ.
Что на камняхъ святыхъ развалинъ
Народъ воздвигнетъ лучшій храмъ...

И знамя водрузитъ свободы,
Какъ символъ правды нашихъ дней,
Среди ликующей природы
Освобожденный Прометей!..

— А Дурново-то, говорятъ,
Не брезгаетъ и малыми кушами?
— Ну, Александръ Стаховичъ, вѣдь, его
Прекрасно коринтъ кукишами.

Брызга.

— Какъ можно сдѣлать призывъ къ насилію и не пасть за это на скамью подсудимыхъ?

— Это можно сдѣлать косвеннымъ путемъ — заявить всеуслышанію, что, если будетъ произведено насиліе, ты не будешь в состояніи оказать своевременное содѣйствіе къ водворенію порядка.

— Ты-то что это вздумалъ идти в добровольцы на почту?

— Да надо потрудиться на пользу отечества, а то не кому разносить подметенныя письма нашей черной сотни.

Самъ.

— has risen!!!

Микула Селякинович

трохулся!!!

У каждого крестьянина
душа это туча темная.

Громять греметь отсюда,
Кровавымъ днѣмъ дождямъ...